

Научная статья / Research Article

УДК 902.2(581)

[https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-12)

EDN: XVRCKC

ЭВОЛЮЦИЯ ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ГОРЦЕВ ВОСТОЧНОГО АФГАНИСТАНА XX–XXI ВВ.

Артём Зурабович Шмелёв^{1*}, Святослав Игоревич Каверин²

¹Ивановский государственный историко-краеведческий музей

им. Д.Г. Бурылина, Иваново, Россия;

yasumoriadachi@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6447-6281>

²Институт востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, Армения;

swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Автор, ответственный за переписку

Резюме. В статье дан очерк изменения погребальных сооружений западнодардских и нуристанских народов, проживающих в Восточном Афганистане, за последние 100 лет. Исследование базируется на фотоматериалах экспедиций прошлого столетия, а также на материалах поездки С.И. Каверина в 2023 г. в провинции Кунар и Нуристан. Создана классификация памятников, а также прослежено их развитие в течение времени. Было выяснено, что, будучи исламизированными относительно недавно, дардские и нуристанские народы сохраняли некоторые типы доисламских погребальных памятников до 2-й половины XX в. Именно с последних десятилетий прошлого столетия началась деградация погребального искусства горцев, связанная с утверждением исламского фундаментализма.

Дан сравнительный анализ сходства раннеисламских памятников Восточного Афганистана с заупокойными сооружениями Северного Пакистана, зоны проживания восточнодардских народов. Хотя два ареала разделены территорией округа Читрал, в прошлом возможно существование континуума, связанного с определенным типом погребальных памятников. Оказалось, что в среде паштунов данный комплекс исчез прежде, чем был изучен. Таким образом, подтверждено родство материальной культуры горцев Восточного Афганистана не только с таковой у восточных дардов, но и у паштунов Восточного Пригиндукушья.

Ключевые слова: дарды, нимча, кафиры, погребения, памятники, Гиндукуш, Кафиристан, Дардистан, Кунар, Нуристан

Для цитирования: Шмелёв А.З., Каверин С.И. Эволюция погребальных памятников горцев Восточного Афганистана XX–XXI вв. // Теория и практика археологических исследований. 2024. Т. 36, №2. С. 210–224. [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-12)

EVOLUTION OF FUNERARY SITES OF THE EASTERN AFGHANISTAN HIGHLANDERS IN 20TH–21ST CENTURIES

Artiom Z. Shmelioff^{1*}, Sviatoslav I. Kaverin²

¹Ivanovo State Museum of History and Local Lore n.a. D.G. Burylin, Ivanovo, Russia;
yasumoriadachi@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-6447-6281>

²Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia;
swat.slav@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1086-0488>

*Corresponding Author

Abstract. The article illustrates the changes of the burial structures of Western Dardic and Nuristani peoples living in Eastern Afghanistan over the past 100 years. The research is based on photographic materials from expeditions of the last century, as well as on materials from the incursions of S.I. Kaverin to the provinces of Kunar and Nuristan in 2023. A classification of sites has been developed, and their evolution over time has been traced. It was found that, having been Islamized relatively recently, the Dardic and Nuristani peoples retained some types of pre-Islamic funerary monuments until the second half of the 20th century. It was from its last decades that the degradation of the highlander funerary art began, which is associated with the spread of Islamic fundamentalism.

A comparative analysis of the similarity of the early Muslim sites of Eastern Afghanistan with the burial structures of Northern Pakistan, the zone of residence of the Eastern Dardic peoples is given. Although Chitral district territory separates the two areas, there may have been a continuum in the past associated with a particular type of funerary monument. It turned out that the Pashtuns shared this complex, although it disappeared before it was studied. Thus, the affiliation of the material culture of the Eastern Afghanistan highlanders is confirmed not only with that of the Eastern Dards, but also with the Eastern Hindukush Pashtuns.

Keywords: Dards, Nimcha, Kafirs, burials, sites, Hindukush, Kafirstan, Dardistan, Kunar, Nuristan

For citation: Shmelioff A.Z., Kaverin S.I. Evolution of Funerary Sites of the Eastern Afghanistan Highlanders in the 20th–21st Centuries. *Teoriya i praktika arheologicheskikh issledovaniy = Theory and Practice of Archaeological Research*. 2024;36(2):210–224. (In Russ.). [https://doi.org/10.14258/tpai\(2024\)36\(2\).-12](https://doi.org/10.14258/tpai(2024)36(2).-12)

Введение
Афганистан расположен в сердце Азии, на пересечении важных многовековых торговых маршрутов. Население Афганистана и соседнего Пакистана разговаривает преимущественно на индоиранских языках индоевропейской семьи. Совокупно данная территория представляет собой переходную зону, где в юго-восточном направлении преобладают индоарийские языки, а в северо-западном — иранские. При этом обширные ареалы распространения языков пашто и белуджского на юге небесспорно вызывают ассоциации с экспансией индо-скифов (саков) и прочих ираноязычных скотоводов в сторону Индии на рубеже эр и далее. Этногеография указывает на промежуточное положение двух стран между индийским и тюрко-иранским лингвокультурными полюсами. Причем индоарийская архаика еще долго продолжала сохраняться в культуре горцев, которые веками сопротивлялись и препятствовали проникновению государства и мусульманства в долины верховьев р. Инд и левых притоков р. Кабул (Cascardo, 2016a, b).

Здесь, на рубеже Центральной и Южной Азии, располагается Памиро-Гиндукушский этнолингвистический регион, выделенный в 1970-х гг. ленинградскими языковедами (Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1974, с. 276–277). Северную часть региона занимает памирский ареал; восток и юго-запад населены дардскими народами. Кафирский ареал (Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1974, с. 280–281) составляет ядро региона: на северо-западе территория афганской провинции Нуристан ограничена Гиндукушским хребтом и зоной распространения персидского языка, восточнее и южнее доминируют языки индоарийской ветви, далее на юге — пашто. Это внутренняя периферия большого индоиранского мира, некогда занимавшего центральную часть Евразии. Частичная изоляция в силу сложного рельефа долгое время оберегала здесь различные культуры, языки, этнические группы. Только в 1980-е гг. значительные изменения в политической и экономической сферах вкупе с реисламизацией привели к трансформации многих аспектов традиционной жизни горцев.

Культурно-исторический контекст

До конца XIX в. территория Нуристана и сопредельных районов была известна как Кафиристан. Население «страны неверных» было организовано в «безголовые сообщества». В целом же формально территория Памиро-Гиндукушского региона временами входила в состав крупных политий. Здесь административная власть распространялась только на укрепленные центры, задача которых состояла в контроле над торговыми путями. Жители труднодоступных долин посещали «цивилизацию» для бартера, уплаты возможной дани, а также с целью грабежа.

Примечательно, что в Новое время ряд мусульманских народов состоял с «кафирами Гиндукуша» в добрососедских отношениях, которые не исключали случаи обоюдных набегов. Памирские народы Афганистана издавна исповедуют ислам более компромиссного исмаилитского толка. Для них, в частности для мунджанцев — ближайших соседей Кафиристана, агрессивная территориальная экспансия не была характерна. В новое время кафиры были скорее торговыми партнерами своих северных соседей и даже имели святилища и небольшие высылки на их территории. Отношения с другими соседями (суннитами) по ряду причин имели различную степень напряженности. Особенно острой вражда была с афганцами (паштунами), которые отличались как наибольшим религиозным фанатизмом, так и склонностью к экспансии.

Кафиры продавали соседям масло, скот, рабов, керамику, изделия из дерева, кожи, шерсти. Из Припамирья в Кафиристан поступали современные товары (включая изделия из металла), бумажная ткань и предметы роскоши — в первую очередь халаты. Шелковые халаты с золотым шитьем надевали по торжественным случаям, включая похороны (наряжали и покойника). Верхнюю одежду из шерстяного сукна (чакман, чуга) горцы до сих пор носят повседневно. Жители Мунджана, Зебака, Санглича лично посещали селения соседей, доставляя соль. Также кафирам удавалось выменивать необходимое у индийских караванщиков, шедших тропами немного севернее их области через Читрал в Бадахшан. Иногда отряды из отдаленных владений, чаще суннитских, устраивали рейды, захватывая горцев в плен для продажи в Бухаре и Кабуле. Обмен вещами и людьми провоцировал также обмен идеями.

Прежняя культура «кафирского» Нуристана в отраженном виде сохранилась лишь у дардского народа калашей, который проживает на юге области Читрала в Пакистане поблизости от «линии Дюранда». На текущий день около половины населения калашей приняло ислам. В отличие от нуристанцев, утрата ими языка и культурной памяти происходит стремительно. Прочие дардские народы Южного Читрала (не считая кхо) были исламизированы преимущественно в течение XIX в., однако смогли еще сохранить языки и предания (Cacopardo A.M., Cacopardo A.S., 2001). Поверхностно исламизированные дарды Афганистана составляли этносоциальную категорию «нимча́» — теперь они известны как пашаи, гавар и прочие «кохистани́» (горцы). Как на севере нынешнего Пакистана, так и на востоке Афганистана подобные полуверцы выступали посредниками в экономических и культурных контактах между мусульманами и язычниками. После обращения последних в ислам они заняли положение между «старыми» и «новыми» мусульманами, выступая примером адаптации прежних традиций к текущей культурной конъюнктуре.

Позднее в серии статей мы подробно рассмотрим погребальную и поминальную обрядность населения Восточного Пригиндукушья как в языческий период, так и в современности — у калашей и у мусульман: нуристанцев, дардов, таджиков, паштунов (группы сафи, юсуфзай и пр.).

Материалы и методы

Источниками служат как архивные сведения и тематические научные публикации, так и новые полевые исследования в регионе. Анализируются памятники провинций Кунар и Нуристан, с привлечением сравнительных материалов из Северного Пакистана — из районов Диамер, Верхний Сват, Верхний Дир и Кохистан-на-Инде, где проживают восточнотаджикские народы.

В Афганистане территория современных восточных провинций Нуристан, Кунар, Лагман, Каписа долгое время отличалась культурным своеобразием. Это в полной мере отражают и погребальные памятники, зафиксированные исследователями в течение XX в.

Основной метод исследования — историко-хронологический. Структура и форма погребальных памятников кафи́ров и мусульман Гиндукуша менялась с течением времени. На основании доступных источников можно выделить три периода развития: доисламский (до конца XIX в.), раннеисламский (со 2-й половины XIX в. до 1970-х гг.) и позднеисламский (с 1970-х гг. по наши дни).

Периодизация развития погребальной культуры

Доисламские памятники

От доисламской эпохи оригинальных памятников почти не сохранилось. Основным источником служат фотографии, зарисовки и описания британских колониальных офицеров. Информация касательно географии распространения этих памятников также неполная. Обстоятельное описание имеется лишь для территории Восточного Нуристана (долина Ландай Син, приток р. Кунар). Памятники Южного Нуристана, запада Кунара и востока Лагмана (в притоках р. Печ и р. Алингар) нам известны лишь в той степени, в какой они сохранились до нового времени, иногда в разрушенном виде. Для Центрального Нуристана информация наиболее скудна. Тем не менее погребальные памятники доисламского периода отличались широким разнообразием.

Зафиксированы следующие типы: каменный монолит, деревянная статуя умершего (Robertson, 1896, p. 645), врата почета, шест с зарубками, павильон над могилой (Klimburg, 1999, p. 199). Также к погребально-поминальным памятникам можно отнести каменные скамьи (Robertson, 1896, p. 648) и деревянные платформы для отдыха (Edelberg, 1984, p. 155), те сооружались от имени умершего «знатного» человека после его похорон. География памятников следующая: статуи были распространены на востоке Нуристана (Robertson, 1896, p. 647); монолиты известны также на востоке и в Кунаре. Ворота и шесты с зарубками отмечены на всей территории Кафиристана (Robertson, 1896, p. 199), кроме Кунара и юго-западного края Нуристана — региона Ашкун (Klimburg, 1999, p. 200). Платформы известны по всему Нуристану, кроме центральной части. Павильоны зафиксированы по всей его территории, включая центральную область. Право на сооружение памятника любого типа регламентировалось статусом человека при жизни, тому следовало выполнить ряд требований при организации угощения для жителей всей деревни (Edelberg, 1984, p. 159). В связи с этим большая часть памятников сооружалась богатыми людьми (имевшими много скота).

Самый простой погребальный памятник в Нуристане — монолит. Установку монолита могла позволить себе даже семья бедняка: для этого необходимо было принести в жертву овцу и окропить камень кровью (Robertson, 1896, p. 648). У пашаи в Кунаре и далее на запад установку монолита в форме фаллоса или с конской головой могли себе позволить семьи важных людей (Wutt, 1981, p. 92). Основным памятником в Восточном Нуристане была деревянная статуя. Форма статуи определялась заслугами данного мужчины (и женщины) при жизни. Умерший обычно изображался стоящим, реже — сидящим в кресле. Самой престижной считается статуя, изображающая всадника. Особой разновидностью конного памятника является изображение всадника на лошади с двумя головами, т.е. на паре лошадей, или подразумеваемая колесницу (ср. алтарь святылища Махандео у калашей Южного Читрала). Робертсону сообщали, что женщин никогда не изображают верхом, но он лично видел статую всадницы в одном из селений на северо-востоке (Robertson, 1896, p. 646). Возможно, таковые были просто редкими.

Человек, располагающий материальными излишками, мог распорядиться соорудить деревянную платформу для отдыха (Edelberg, 1984, p. 159–162). О каменных скамьях сообщает лишь Робертсон в главе, посвященной памятникам, но не указывает никак на их связь с заупокойным церемониалом (Robertson, 1896, p. 648). Таковые отмечал С.И. Каверин в Центральном Нуристане (долины Кантыва и Парун в верховьях р. Печ). Мы можем лишь предполагать, что это некий аналог деревянной платформы для отдыха. Такая платформа, украшенная символами статуса человека, нередко образовывала ансамбль с вратами почета, расположенными неподалеку (Klimburg, 1999, p. 199). Они выполнялись из камня и дерева, были украшены знаками ранга, рядом дополнительно устанавливали шест с зарубками. Зарубки на таком шесте обозначали число убитых врагов, а верх шеста могла венчать небольшая фигурка человека (Edelberg, Jones, 1979, p. 47). Иногда основание шеста заключали в прямоугольный постамент (Robertson, 1896, p. 648). Человека могли похоронить вне кладбища, ставя над могилой павильон — неподалеку от платформы и ворот, включая таким образом могилу в погребальный ансамбль (Klimburg, 1999, p. 199).

В доисламскую эпоху похоронить человека в родном селении было важной задачей. Если воин погибал в сражении, товарищи по возможности приносили его голову (Robertson, 1896, p. 633). Сооружали соломенное чучело, которое наряжали и оплакивали на площади, подобно телу покойника.

Памятники раннеисламского времени

Вместе с формальной исламизацией Кафиристана к началу XX в. изменения претерпели и погребальные традиции. Установка статуй, шестов и ворот прекратилась. Статуи исчезли в связи со строгим запретом на изображение живых существ. Шесты отражали уровень боевых заслуг, но после формального включения территории Кафиристана в афганское государство войны прекратились. Причина прекращения установки мемориальных ворот пока не выяснена.

Деревянные платформы и павильоны продолжали создавать до 1970-х гг. Поскольку захоронения теперь стали совершаться в земле, место простого гроба-ящика внутри павильона заняла ограда — новый тип памятника, похожий на павильон. Он представляет собой деревянное сооружение над могилой, обычно прямоугольной формы (Palwal, 1969, p. 155). Могилы с такой оградой известны в Кунаре и по всему Нуристану. Происхождение ограды от павильона маловероятно, хотя Климбург называет ограды их уменьшенными копиями (Klimburg, 1999, p. 205).

Интересно, что аналогичные ограды устанавливались (а где-то бытуют и поныне) на территории Пакистана в областях, населенных восточными дардами. В южных областях распространения языка шина, а также языков кохистанской группы известно множество захоронений подобной конфигурации. Пока неясно, откуда именно в Нуристан и Кунар попал подобный тип памятника — при том что восточноевропейские языки распространены на значительном удалении оттуда.

А.З. Шмелев несколько прояснил ситуацию, проведя в Москве интервью с информантом Усамой из семьи афганцев-заминдаров из Нижнего Дира. По его сведениям, такого рода сооружения были в ходу и у паштунов (афганцев) примерно до конца XIX в. По словам информанта, это были могилы богатых людей. Но за давностью лет он затруднялся ответить, хоронили ли так его предков-заминдаров. Хотя информант сомневался насчет причин исчезновения традиции, он все-таки пришел к выводу о влиянии фундаментализма. Дело в том, что могила мусульманина должна быть простой. Этим же объясняется и разрушение древних кладбищ в ваххабитской Саудовской Аравии. Таким образом, паштунское население, живущее между восточными и западными дардами и нуристанцами, могло разделять сходные особенности погребальной архитектуры. Именно через эту среду подобные сооружения могли попасть на восток нынешнего Афганистана.

В Нуристане ограду было принято украшать символами статуса человека, тогда как в других областях значение резьбы не прояснено. Иногда украшением ограды служили рога винторогого козла, который считался священным (Edelberg, 1984, p. 155).

Ограда могла быть выполнена из досок и камней, могла быть полностью деревянной. В углах такого сооружения часто находились столбики, а в голове и ногах покойного располагались резные «маркеры» (доски). Иногда конструкция могла иметь крышу, чаще плоскую.

Хотя обстоятельства происхождения оград не выяснены, очевидно, что такой памятник отражает приспособление статусной культуры кафи́ров к исламским реалиям. Место выставления тела заняла ингумация, а создавать статуи стало неприемлемым, однако потребность отражать общественное положение и заслуги человека не исчезла. Набеги на соседей прекратились, но, как и прежде, можно было повышать свой общественный статус, устраивая пиры для всего селения и производя иные общественно значимые действия.

Позднеисламские памятники

Исламский фундаментализм набирает силу в Афганистане к 1970-м гг., что знаменует начало позднеисламского периода, который длится до нашего времени. Локальные культуры приходят в упадок, музыка и танцы подвергаются запрету. Все погребальные памятники прошлого выходят из употребления, и лишь редкие образцы из прежних стоят по сей день.

Это отчасти связано с тем, что в селениях, где победил фундаментализм, пережитки доисламской культуры объявляют грехом. Сохранившиеся памятники, включая деревянные ограды мусульманского времени, в отдельных случаях уничтожают; чаще те просто ветшают и распадаются — либо их расхищают для продажи скупщикам антиквариата для контрабанды в Пакистан. На место памятников, украшенных в местной манере, приходят простые, стандартные захоронения с парой небольших монолитов (в голове и ногах), лишённые любых украшений, знаков или надписей.

Другая причина исчезновения намогильных сооружений — упадок статусной культуры. Традиционные ранги выходят из употребления, а местное самоуправление, основанное на этих рангах, подменяется теократией исламистов. Впрочем, ряд пережитков в социальной культуре и погребально-поминальных практиках еще прослеживается, их запись и анализ входят в задачи современных полевых исследований по региону Восточного Афганистана.

Результаты полевых исследований

В сентябре — октябре 2023 г. С.И. Каверин смог провести предварительные наблюдения на территории афганских провинций Нуристан, Кунар и Нангархар. Ниже приведем некоторые локальные особенности захоронений у современных нуристанцев, пашаи, кохистанцев, которые проживают в долинах бассейна р. Печ.

1. На одном из придорожных кладбищ в 5 км ниже г. Асадабад (ранее Чагансарай), столицы провинции Кунар, несколько захоронений XX в. отмечены сооружениями «раннеисламского» типа (конечно, местное население было обращено в ислам сильно раньше, чем область Нуристан). Антропоморфные «маркеры» выполнены из деревянных досок. На одной могиле сохранились остатки ограды и частично обломанные маркеры, а также каменный маркер. На двух других могилах (рис. 1), за которыми, очевидно, пока еще ухаживают, можно видеть подновленную каменную ограду, скрепленную цементным раствором, и деревянный короб, подобный тем, что были зафиксированы на фото различных исследователей в период 1949–1978 гг. Здесь население относительно давно перешло на язык пашто.

2. В 30 км выше Асадабада, в среднем течении р. Печ при впадении р. Вайгал располагается городок Нангалам. На старом кладбище рядом с ним сохранились моги-

лы, отмеченные монолитами высотой около 1,5 м, ранее зафиксированные на фото 1930–1960-х гг. Можно считать эти могилы захоронениями «статусных» покойников раннеисламского периода. В 23 км еще выше в р. Печ впадает р. Дигал. В ее среднем течении располагается сел. Глангал, население которого (кохистани) родственно прежнему населению Нангалама. Более сотни человек здесь еще сохраняют свой дардский язык — глангали (Грюнберг, 1971, 1996; Tegethoff, Kaverin, 2023). Несколько выше в Дигале располагается хутор Булак, а рядом с ним — т.н. «кладбище путешественников», на котором также сохранились старые могилы, предположительно середины XX в. (рис. 2.-2, 3). Похожие захоронения можно увидеть на фотоснимке А.Л. Грюнберга (рис. 2.-1), не публиковавшемся ранее.

Рис. 1. Старые могилы на придорожном кладбище рядом с г. Асадабад (пров. Кунар). Антропоморфные «маркеры» выполнены из дерева. Население полностью афганизировано, перешло на пашто (язык восточноиранской группы)

Fig. 1. Old graves on the roadside graveyard near Asadabad (Kunar province). Anthropomorphic "markers" are made of wood. Population is totally assimilated by Afghans and now speaks Pashto (an Eastern Iranian language)

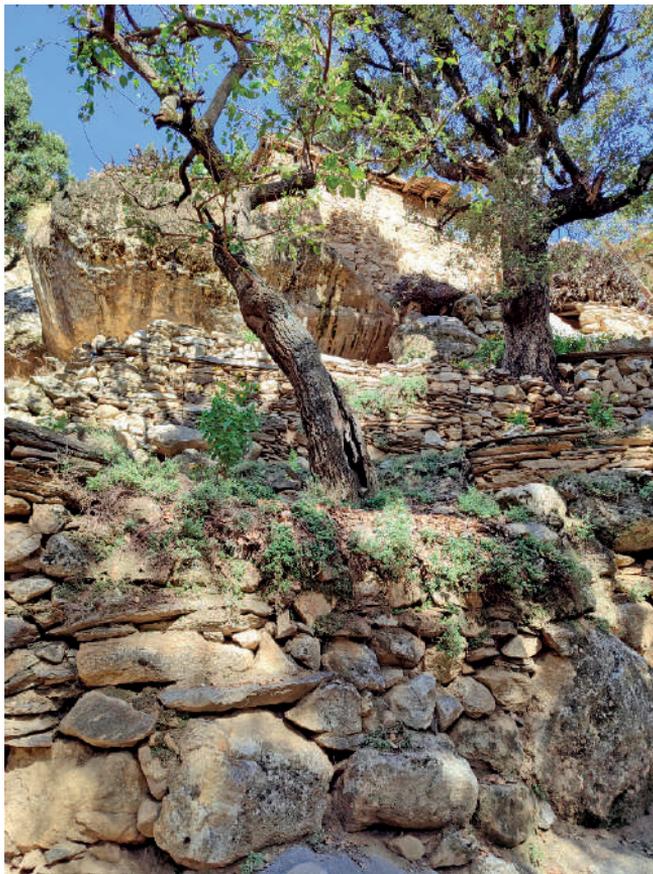
Рис. 2. Могилы середины XX в. выше сел. Глангал в долине Дигал (пров. Кунар):
1 – сентябрь 1963 г. (фото А.Л. Грюнберга); 2, 3 – сентябрь 2023 г. (фото С.И. Каверина).
См. также (Tegethoff, Kaverin, 2023, Fig. 4).

Часть коренного населения сохраняет дардский язык глангали

Fig. 2. Mid. 20th cen. graves above Grangal village in the Digal valley (Kunar province):
1 – Sept. 1963. (By A.L. Grünberg); 2, 3 – Sept. 2023. (By S.I. Kaverin.)
Also (Tegethoff, Kaverin, 2023, Fig. 4).

A part of the indigenous population retains Grangali, a Dardic language

3. Далее в 7 км выше Дигала располагается долина Курдар. В ее верхнем селении могилы располагаются на террасах вдоль сельской дороги. На повороте в нижней части селения экскаватор срезал край склона, обнажив старые захоронения. На склоне выше по дороге можно видеть террасы из нескольких ярусов старых могил, которые представляют собой каменные ящики, частично «заросшие» грунтом (рис. 3). Население долины разговаривает на дардском языке пашаи.

*Рис. 3. Старые мусульманские могилы наверху долины Курдар (пров. Нуристан).
Население разговаривает на дардском языке пашай*

*Fig. 3. Old Muslim graves in the upper Kurdar valley (Nuristan province).
Population speaks Pashai, a Dardic language*

4. В 25 км от Нангалама выше по течению р. Вайгал располагается долина Амешгуль с одноименным селением Амешдеш. Здесь были отмечены характерные для всего южного Нуристана захоронения в каменных ящиках над поверхностью земли (рис. 4). Порой в старые могилы производят ингумацию либо просто перекладывают кости — когда необходимо повторно использовать другие могилы либо очистить место.

5. В 27 км выше Курдара (в 55 км от Нангалама) р. Печ происходит от слияния р. Кантыва и р. Парун. Долина Кантыва считается родиной многочисленного и наиболее широко расселившегося нуристанского народа катэ. В долине Парун, административном центре нынешней провинции Нуристан, прежде находился религиозный центр Кафиристана. Этим компенсировалась кротость местного народа васи. Археологическое обследование долин помогло бы раскрыть многие вопросы касавшие их заселения, однако до сих пор не проводилось. Судя по нынешней практике, обветшавшие дома здесь раз-

валивают в среднем раз в 100 лет, а столбы могут использовать повторно. Долина Парун отличается уникальным для региона типом жилища, уходящего немного под землю, что дает некоторый оптимизм касаясь культурного слоя. Находок захоронений в любом случае ожидать не приходится, поскольку погребения кафиров Гиндукуша производились преимущественно в деревянных ящиках, выставленных на дневной поверхности, реже в пещерах. Однако в 2021 г. при рытье погребя в сел. Куштеки была обнаружена крышка черепа, пробитая трехлопастным наконечником [кафирской] стрелы. Это мог быть мусульманин, убитый кафиром в древности, либо участник завоевательного похода Гулам Хайдара в 1895–1896 гг. Что касается мусульманских могил Паруна, в каменистом грунте их выкапывают, но пригодную для земледелия площадь экономят, потому спустя 15 лет и более принято освобождать могилы, концентрируя кости лишь в одной, чтобы использовать прочие повторно.

*Рис. 4. Открывшаяся могила в селении Амешдеш (пров. Нуристан).
Население разговаривает на нуристанском языке калаша-ала (вайгали)*

*Fig. 4. Uncovered grave in Ameshdesh village (Nuristan province).
Population speaks Kalasha-ala (Waigali), a language of the Nuristani branch*

Обсуждение

Хотя в духовной культуре кафиров Гиндукуша представления о загробном мире занимали скромное место, связанные с покойником представления были очень важны. Похороны человека, поминки и сооружение памятников имели тесную связь с культом предков и статусной культурой. Важная черта заупокойного культа кафиров — большая ориентированность на мир живых, чем на благополучное посмертие. Как и во многих обществах, похороны в Кафиристане определялись общественным положением человека. Своеобразие обрядности здесь заключается в том, что все значимые элементы похорон совершались публично. Отсутствие практики украшать захоронение «для покойного» подразумевало, что живые не будут иметь к нему доступа. В доисламскую эпоху покойника наряжали согласно достатку семьи и выставляли на площади, в честь него устраивали танцы (Robertson, 1896, p. 638). Затем тело относили на кладбище и клали в простой деревянный гроб (ящик без декора на двух ножках-планках). Когда оно истлевало, в тот же гроб могли положить другого члена семьи (Robertson, 1896, p. 641). С покойником клали сосуды с пищей, в остальном инвентарь погребений был скромным. Богатого человека могли нарядить в привозной шелк, но это производилось для публичных поминок. Шелковая одежда и украшения могли становиться объектом кражи из могил, этим занимались в основном рабы (Robertson, 1896, p. 641). Памятники устанавливали перед кладбищем, а иные заупокойные сооружения располагали вообще безо всякой связи с ним (но все так же на земле, непригодной для земледелия). Это объясняется тем, что кладбище является оскверненным местом, его посещение было ограничено для мужчин и запрещено жрецам, а ведь все заупокойное искусство ориентировано на живых (Robertson, 1896, p. 642). В связи с этим представляют интерес павильоны, поскольку захоронения этого типа располагались вне кладбища. Литература предполагает лишь высокий статус человека (Robertson, 1896, p. 642; Edelberg, 1984, p. 204) как причину для такого исключения. Можно предположить, что человек в «святости» настолько сближался с богами, что его захоронение переставало считаться ритуально нечистым. О том, насколько важным было почитание предков, известно из мифа, записанного Пальвалем (Palwal, 1969, p. 32). Согласно сюжету, двоих человек похитили призраки и отправили в загробный мир. Там люди увидели предков, занимающихся привычными земными делами. Страж царства мертвых спросил новоприбывших о деяниях предков, особенно о пирах, которые те давали. Один человек не ответил ничего, а другой рассказал о том в подробностях. Страж пообещал ему рассказать все о его предках, затем отправил пару в мир живых. Первый человек разорился, а второй стал мудрецом и прославился. В этом мифе отражена главная задача заупокойного культа: сохранять память о великих деяниях предков, об их прижизненном статусе и достатке, выражавшемся в организации пиров и владении стадами коз (которых резали для угощения и раздачи мяса) и прочего скота.

Памятники «нуристанского» (кафирского) типа существуют также у дардоязычных калашей Читрала. До конца XX в. калашаи устанавливали статуи умерших, аналогичные нуристанским. Из-за присвоения природных ресурсов (земли, пастбищ, лесов) мусульманами калашаи обеднели и теперь не могут позволить себе установку таких памятников. Интересно, что у калашей шест с человеческой фигурой на постаменте не имеет

зарубок, обозначающих количество убийств. Такой памятник они считают оберегом от злых духов и устанавливают рядом с полем. Возможно такое объяснение, что калашаши уже долгое время не вели войн, являясь подданными княжества Читрал.

С приходом ислама исчезли статуарные памятники, а также военные монументы. С фундаментализмом пришел канон, что могила мусульманина должна быть простой. Старые захоронения не принято реставрировать, а новые представляют собой насыпь с примитивным надгробием (два камня-маркера), иногда в каменном ящике над поверхностью.

Прогнозы неутешительны: при отсутствии интереса к древней культуре у большинства горцев маловероятно возрождение старинных погребальных сооружений. В связи с этим необходимо как можно точнее зафиксировать доступные сведения, пока возможно.

Интерес представляет наличие подобных сооружений у паштунов. Их старые погребальные традиции едва ли изучались, поэтому пока затруднительно говорить о географии и том, какие обряды сопровождали установку памятников. Маловероятно, что такие сведения возможно получить, но они были бы весьма ценны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Грюнберг А.Л. К диалектологии дардских языков (глангали и земиаки) // Индийская и иранская филология. Вопросы диалектологии. М. : Наука, 1971. С. 3–29.

Грюнберг А.Л. Материалы по этнографии дардских народностей Восточного Гиндукуша (долина Дигал) // Кунсткамера. Этнографические тетради. 1996. №10. С. 310–331.

Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Этнолингвистическая характеристика Восточного Гиндукуша // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л. : Наука, 1974. С. 276–283.

Cacopardo A.S. A World In-between: The Pre-Islamic Cultures of the Hindu Kush // S. Pello (ed.) Borders. Itineraries on the Edges of Iran. *Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale* 5. Venezia, 2016a. P. 243–270.

Cacopardo A.M. Fence of Peristan: The Islamization of the “Kafirs” and Their Domestication // *Archivio per l’Antropologia e la Etnologia*. Issue CXLVI. 2016b. P. 69–101.

Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). *Gates of Peristan: History, Religion and Society in the Hindu Kush*. Roma : Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2001. 327 p.

Edelberg L. *Nuristani Buildings*. Aarhus : Jysk arkæologisk selskab, Moesgård, 1984. 223 p.

Edelberg L., Jones S. *Nuristan*. Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1979. 185 p.

Klimburg M. *The Kafirs of the Hindu Kush*. Art and Society of Waigal and Ashkun Kafirs. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1999. Vol. 1: 431 p.; Vol. II: 324 p.

Palwal A.R. *History of Former Kafiristan*. Part IV. Kafirs’ Cult of the Dead // *Afghanistan*. 1969. Vol. XXII, №2. P. 20–43.

Robertson G.S. *The Káfir of the Hindu-Kush*. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.

Tegethoff R.C., Kaverin S.I. Documenting Grangali // Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). *Roots of Peristan: The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush/Karakorum*. Part I. Roma : ISMEO, 2023. P. 433–452.

Wutt K. *Pashai: Landschaft, Menschen, Architektur*. Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981. 127 p.

REFERENCES

- Gryunberg A.L. To the Dialectology of the Dardic Languages (Grangali and Zemiaki). In: Indian and Iranian Philology. Issues of Dialectology. Moscow : Nauka, 1971. P. 3–29. (*In Russ.*)
- Gryunberg A.L. Materials on Ethnography of the Dardic Peoples of the Eastern Hindukush (Digal valley). *Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi = Kunstkamera. Ethnographic notebooks*. 1996;10:310–331. (*In Russ.*)
- Gryunberg A.L., Steblin-Kamenskij I.M. Ethnolinguistic Characterization of the Eastern Hindukush. In: Mapping Problems in Linguistics and Ethnography. Leningrad : Nauka, 1974. P. 276–283. (*In Russ.*)
- Cacopardo A.S. A World In-between: The Pre-Islamic Cultures of the Hindu Kush. In: S. Pello (ed.) Borders. Itineraries on the Edges of Iran. *Eurasiatica. Quaderni di studi su Balcani, Anatolia, Iran, Caucaso e Asia Centrale* 5. Venezia, 2016a. P. 243–270.
- Cacopardo A.M. Fence of Peristan: The Islamization of the “Kafirs” and Their Domestication. *Archivio per l’Antropologia e la Etnologia*. 2016b;CXLVI:69–101.
- Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). Gates of Peristan: History, Religion and Society in the Hindu Kush. Roma : Istituto Italiano per l’Africa e l’Oriente, 2001. 327 p.
- Edelberg L. Nuristani Buildings. Aarhus : Jysk arkæologisk selskab, Moesgård, 1984. 223 p.
- Edelberg L., Jones S. Nuristan. Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1979. 185 p.
- Klimburg M. The Kafirs of the Hindu Kush. Art and Society of Waigal and Ashkun Kafirs. Stuttgart : Franz Steiner Verlag, 1999. Vol. 1: 431 p.; Vol. II: 324 p.
- Palwal A.R. History of Former Kafiristan. Part IV. Kafirs’ Cult of the Dead. *Afghanistan*. 1969;XXII(2):20–43.
- Robertson G.S. The Káfir of the Hindu-Kush. London : Lawrence and Bullen, 1896. 658 p.
- Tegethoff R.C., Kaverin S.I. Documenting Grangali. In: Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). Roots of Peristan: The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush/Karakorum. Part I. Roma : ISMEO, 2023. P. 433–452.
- Wutt K. Pashai: Landschaft, Menschen, Architektur. Graz : Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1981. 127 p.

ВКЛАД АВТОРОВ / CONTRIBUTION OF THE AUTHORS

Шмелёв А.З.: формирование структуры статьи, проработка источников, анализ серий иллюстраций, научное редактирование текста.

A.Z. Shmeliyoff: formation of the structure of the article, the study of sources, the analysis of series of illustrations, scientific editing of the text.

Каверин С.И.: использование полевых этнографических материалов, анализ серий изображений, подбор иллюстраций в печать, научное редактирование текста, подготовка его части.

S.I. Kaverin: the use of field ethnographic materials, the analysis of image series, selection of illustrations for publication, scientific editing of the text, preparing of its part.

Конфликт интересов отсутствует / There is no conflict of interest.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шмелёв Артём Зурабович, магистр антропологии, сотрудник Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д.Г. Бурьлина, Иваново, Россия.

Artiom Z. Shmelioff, Master of Anthropology, Ivanovo State Museum of History and Local Lore n.a. D.G. Burylin, Ivanovo, Russia.

Каверин Святослав Игоревич, магистр антропологии, научный сотрудник Института востоковедения Российско-Армянского университета, Ереван, Армения.

Sviatoslav I. Kaverin, Master of Anthropology, Research Scientist, Institute of Oriental Studies, Russian-Armenian University, Yerevan, Armenia.

*Статья поступила в редакцию 04.06.2024;
одобрена после рецензирования 17.06.2024;
принята к публикации 21.06.2024.
The article was submitted 04.06.2024;
approved after reviewing 17.06.2024;
accepted for publication 21.06.2024.*